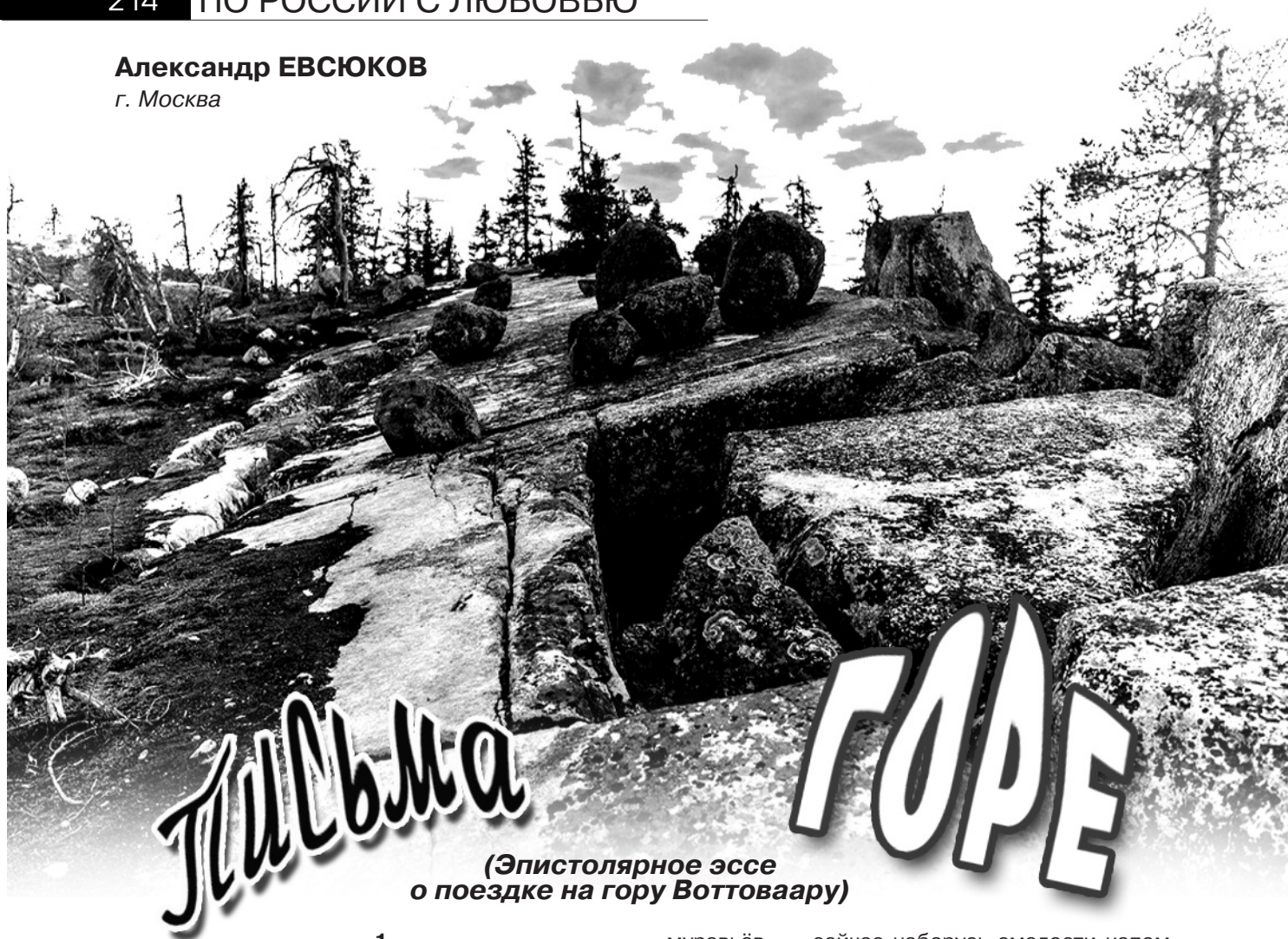

Александр ЕВСЮКОВ*г. Москва*

1

Уважаемая Гора!

Вы вряд ли так сразу меня вспомните. И вас, конечно же, можно понять. Сколько сотен похожих групп привозят к вашему подножью каждый день каждого туристического сезона! Сколько тысяч людей, как муравьи, вскарабкиваются наверх, чтобы осмотреть окрестности с вашей высоты и испытать там свой микроскопический для вас и забываемый для них страх вперемешку с таким же крохотным и в то же время безоглядным восторгом! Все ли они благополучно сползают вниз?.. Очень надеюсь, что все, потому что вы всегда пристально следите за этим. Незачем там задерживаться всяким непрошеным гостям! Ну а я – один из тех самых беспокойных

муравьёв – сейчас наберусь смелости напомнить о своём кратком визите.

В конце июля этого карантинного года мы с женой, дождавшись некоторых послаблений в передвижениях по стране, отправились в Карелию. Каждое лето здесь проходил очередной литературный фестиваль под названием «Петроглиф»: кочующий, неуловимый и неповторимый. Но в этом году вместо уже ставших привычными весёлых и насыщенных мероприятиями сборищ нескольких десятков литераторов из многих городов и стран – от Германии до Китая и Японии, – у организаторов была возможность принять не более дюжины человек. Так что это был даже не фестиваль, а тёплая встреча давних боевых товарищей. Литургия верных.

От Москвы до Питера мы прирастали друзьями: вот Люда с обязательным профессиональным

фотоаппаратом, а вон Оля с дочкой Светой, которые всё сильнее кажутся сёстрами, а ночью в вагон подсядет Юля – поэтесса с душой вечного сорванца. Мы общались радостно и неутомимо, лишь ненадолго расходясь по своим плацкартным местам, и совсем скоро доехали на поезде почти до самой деревни Корза.

На перроне нас ждали хозяева: Володя и Лена вместе с тремя сыновьями – Сашей, Геней и Гришей. Счастливые объятия встречи. И вот в самом начале случилось никем не предвиденное ЧП. Олина дочка Светик решила опробовать новый батут во дворе старинного карельского дома. После нескольких прыжков она вернулась в дом, бодро подпрыгивая на одной ножке. Всем хотелось думать, что это всего лишь растяжение, но нога стала стремительно распухать, и девочку пришлось срочно отвезти в больницу. Там врач диагностировал перелом одной из лодыжек, и обратно Светик вернулась уже в гипсе, продолжая улыбаться и всем-всем показывая, что ей это недоразумение совершенно нипочём.

Уже после этого случая мы с толикой грусти осматривали новую веранду, сооружённую для старой бани: настоящее чудо красоты, удобства и скорости воплощения... Слов удивления и восторга не хватало для полного выражения своих чувств. Как будто это уже не Карелия, а настоящий испанский курорт! Тут же нас познакомили с Виталиком – мастером на все руки, светловолосым, поджарым и вначале особенно застенчивым. Кто-то шёпотом сообщил, что его прозвали «Шведом», а сейчас ему, как видно, очень хотелось спрятать руки. Может быть, чтобы лишний раз не показывать – на правой ладони не хватает фаланг двух пальцев. А ещё чтобы укрыться от вопросов и вновь, пока стоит погода, заняться своим привычным делом, которое у него так здорово получается.

К нам присоединился полный добродушный фотограф Коля, и за два следующих дня мы успели вновь поколесить по Сямозерью и поздороваться с давно знакомыми местами. Вон в той неприметной с виду баньке в деревне Сяргилахта снимали знаменитую сцену военного фильма «А зори здесь тихие...». Неподалёку в Лахте вместо хлипкой аварийной развалюхи за два года был отстроен новый широкий мост. Там же стоит каменный дом – исключительная редкость в старой Карелии. Кирпичи были здесь очень дороги, зато леса кругом – сколько хочешь.

По дороге мы остановились у Мёртвой Ламбы – круглого лесного озера, где, согласно преда-

нию, несколько веков назад карелы утопили целый отряд шведских захватчиков, предварительно перебитых на острове, названном из-за этого Шведским. Мы украдкой поглядывали на «Шведа» Виталика, но, кажется, его эта история ничуть не смутила.

Погода вновь оказалась по-карельски непредсказуемой. Она резко поменялась, и вместо дождей – согласно прогнозу обязанных без устали литься с небес, – нам все три дня ярко и приветливо светило северное солнце. Потому-то мы все долго и с огромным удовольствием купались в большом живом и светлом озере.

Поборовший смущение Виталик оказался неплохим рассказчиком. Во всяком случае, интересных жизненных историй у него хватало. В автобусе Володя несколько раз с шуточной ревностью громко прерывал откровения Виталика: тут же кругом голодные до сюжетов писатели, они же всё стащат в свои будущие книги, им только дай! А ему тогда о чём писать останется?! Весь автобус покатывался со смеху. Виталик виновато умолкал, но затем на остановках всё равно не мог удержаться, шёпотом договаривая, чем окончилась та или другая приключившаяся с ним история.

Короче, мы в упоении разъезжали по равнине, только изредка вспоминая, что за Гора нам ещё предстоит...

С почтением...

2

Перед тем как двинуться в вашу сторону, достопочтенная и неизведанная прежде Гора, мы расположились на турбазе.

Оставив в номерах рюкзаки и посетив здешнюю столовую, мы заметили людей с сосредоточенными взглядами и неторопливыми движениями, чем-то напоминавших паломников. «А это *космоэнергеты*», – шепнул кто-то. В самом деле, они будто экономили энергию для чего-то важного. На их фоне мы все казались расслабленными и очень шумными. Нестарый крепкий мужчина с внушительной седой бородой из-за их стола поглядывал на нас со смесью тайного интереса и явного осуждения.

Затем мы проехали с очередной экскурсией по самым ближним окрестностям. Оказывается, совсем недавно здешняя жизнь обстояла совершенно иначе. Здесь проживало много людей, и все они были заняты и обеспечены. Но казавшееся очевидным торжество цивилизации и пассив-

онарности стремительно – в одно мгновение, по историческим меркам, – сменилось запустением. Вот наглухо заколоченная двухэтажная школа. Чуть дальше – кирпичные развалины книжного магазина, который доносил сюда свет знаний ещё каких-нибудь пятнадцать лет назад. Здесь же, в пределах видимости, – торжественно открытый по президентской программе новенький фельдшерский пункт, который был тут же и прикрыт, потому что в нём оказалось некому работать. Вся эта часть суши очень сильно напоминает о затопленной Атлантиде. Последние местные атланты, они же – могикине, выживают здесь исключительно на свои пенсии.

Как же грустно на это смотреть, дорогая Гора! Какая тоска на сердце... Пусть нас и старались утешить грибы и ягоды, которые будто сами лезли в руки, в сумки и пакеты буквально отовсюду.

Новый большой фестиваль отложили до будущего года. Но всё же от литературы нам было никуда не деться – мастер Виталик, сидя вечером у костра, затребовал стихов и прозы в непрерывном авторском исполнении. И в густеющих сумерках мы по кругу читали вслух: на память, из принесённого журнала или из смартфона с подсветкой. Причём Виталик с наисерьёзнейшим видом снимал нас на телефонную камеру, очень стараясь, чтобы, несмотря ни на какие отсутствующие фаланги пальцев, она ни разу не дрогнула в его руке.

И я вдруг осознал, что, несмотря на всю свою спонтанность, это самый настоящий литературный вечер. Может быть, даже более важный, чем многие из тех, в которых я принимал участие раньше. У нас есть один живой и крайне заинтересованный слушатель, который хочет и может стать будущим читателем. И станет, если только мы окажемся достойными этого. Я дочитываю рассказ, с неохотой уступая слово другим. По своим номерам мы разбредаемся глубоко за полночь.

В ожидании скорой встречи...

3

Утром, долгожданная Гора, нам предстоял выезд. Карельская погода снова показала свой непредсказуемый нрав, и с самого раннего утра стало понятно, что вместо обещанного солнца собрался обложной дождь. Средний сын Гена остался на базе, чтобы составить компанию попрыгунье на одной ножке Светику. А старший и млад-

ший, напротив, собрались ехать – хотели обязательно подняться наверх. Я так мало знал о тебе, Гора, и уже предчувствовал, что напрасно был таким легкомысленным.

После завтрака мы с небольшими рюкзачками для коротких выездов ждали посадку на новый транспорт. Дождь был пока несильным, но ровным и неустанным. Вот подъехала первая «буханка»¹ – именно на таком транспорте принято добираться отсюда к Горе. Часть людей тут же разместились в ней. Следующей машины предстояло ждать минут пятнадцать. Нам предложили посидеть на диванчике в пустовавшей этим утром будке охраны.

Снаружи к будке было подвешено круглое зеркало заднего вида. Кто-то вдалеке враскоряку перебежал через широкий раскисший двор. Ровный унылый дождь начинал убаюкивать. Вторая «буханка» подрулила очень неожиданно, и мы тут же, не оглядываясь, высыпали из будки, чтобы по-быстрому в неё загрузиться.

– Всё, поехали! – скомандовал водитель.

Сначала шла самая обычная грунтовка. Виталик даже вслух удивился, зачем понадобилась именно «буханка» – казалось, здесь можно было бы проехать на любой машине. Но вот мы с брызгами преодолеваем первую лужу – и высокие колёса окунаются в неё едва ли не полностью. Тут Виталик задумался и примолк.

Дальше всё продолжается словно в каком-то захватывающем квесте с нарастающей сложностью. Следующая лужа оказалась ещё немного глубже. А преодолевая третью, мы даже зачерпнули немного воды в салон. Тут Виталик вынужден был признать, что «на любой машине» отсюда точно было бы не выехать без трактора и крепкого троса.

Вот мы добрались до самой глубокой и опасной лужи и будто в подтверждение прозвучавших слов увидели возле неё особое дерево с прибитыми к толстому стволу оторванными номерами машин и даже с одним изогнутым бампером.

Мне захотелось тут же сфотографировать это самое дерево. И вот я ищу телефон, хлопаю себя по карманам и с нарастающей тревогой понимаю, что его нигде нет. Причём непонятно, где именно он выпал – там ли, в будке на диване, или уже здесь – на дорожных ухабах? Мне по очереди пробуют дозвониться. Но, конечно, это пол-

¹ Грузопассажирские автомобили повышенной проходимости, выпускаемые УАЗ.

ный бесполезняк – в этой глуши не берёт ни один из подключенных нами сотовых операторов. Значит, и связаться с базой, чтобы там проверили, сейчас тоже нельзя. Я стараюсь не терять бодрости и оптимизма, но, глядя по сторонам и раз за разом подсакивая на очередных дорожных неровностях, думаю почти всё время о своём распроклятом телефоне.

И вдруг где-то там, внизу, на полу под сиденьем, сначала едва слышно, но всё громче и громче, по нарастающей, раздаётся звук. Мы недоумённо переглядываемся, и тут меня осеняет радостная догадка. Да это же будильник в моём пропавшем сотовом! Я выставил его на одиннадцать часов ещё до отъезда сюда, чтобы не пропустить одну важную встречу. Причем поставил не только на нужный день, а зачем-то и на каждый последующий. Жену этот ежедневный сигнал уже стал раздражать, но я почему-то не торопился с его отключением. И вот сейчас, в самый нужный момент, он напомнил о себе!

Я нагнулся, стараясь нашарить гудящий и едва заметно мерцающий аппарат в полутьме. Но снова кочки и ещё одна лужа – пришлось схватиться за спинку, удерживая равновесие. Тут же Виталик ловчее всех нырнул под сиденье и через несколько секунд торжественно вручил мне в руки мою чересчур мобильную пропажу. Горячо поблагодарив его, я вновь убедился, что для счастья человеку нужно совсем немного.

С полным удовлетворением...

4

Мы стояли перед тобою, Гора, и проводник по имени Михаил проводил с нами предварительный инструктаж. Он рассказал о самых важных точках будущего маршрута и просил каждого идти в своём темпе и ни в коем случае не подгонять себя. Мы слушали его в напряженных разноцветных дождевиках и озирались вокруг. Дождь немного ослабел.

Очень скоро нам всем предстояло пройти первую, пока мало кому понятную проверку. С виду – обычный подъём, в меру крутой и в меру скользкий от дождя. Но это особое место: Смерть-Гора, и она же – Гора Победы. С ней нужно быть осторожным. Однако от долгого топтания на одном и том же мокром месте становилось зябко, и поэтому мы охотно двинулись цепочкой вверх.

Но уже совсем скоро сразу на нескольких нето-

ропливо поднимавшихся людей поочередно навалилась странная, до дрожи и холодного пота, усталость. Я тоже чувствовал небольшое изменение своего дыхания, но мне оно почти не помешало. Заметнее всех эта самая усталость сказалась на Лене и нашем фотографе Коле. Ни он, ни она не курили, и, конечно, подобные нагрузки каждому из них были вовсе не в диковинку. Однако им то и дело приходилось останавливаться, чтобы часто и судорожно отдышаться. А после буквально нескольких шагов они выглядели как бегуны на финише изнурительно долгой дистанции. Почему так, Гора?.. Ты-то знаешь, ответ!

Это точно не связано с физическим состоянием, так? Это какой-то перепад энергии, к которому не все одинаково чувствительны, верно?.. Или тебе зачем-то нужно «прощупать» именно этих людей?.. Коля вымученно улыбается, упираясь локтями в собственные колени. Вот Лена через силу проходит ещё с десятков шагов – и припадок необъяснимой усталости повторяется. Кажется, она уже готова окончательно сдаться и отправиться вниз, чтобы просидеть несколько часов в машине. Однако оба её сына беспечно шагают и шагают вверх.

И тут же на склоне мне разом попадают три крупных гриба: пара подосиновиков и один белый. Нарочно не обращая внимания на столь болезненное состояние попутчиков, я показываю им и даю рассмотреть свою нежданную добычу, беззаботно шучу – и этим нехитрым приёмом удаётся ненадолго отвлечь их от внутренних переживаний. Но теперь я думаю, это ты, Гора, решила никого не отпускать так сразу.

Петляя, мы проходим несколько сот метров. Постепенно поднимаемся. И вдруг резко отпускает – всем становится легче. Да и подъём почти закончился – и дальше тропа уже ведёт то вверх, то вниз. Мы удивлённо и радостно переглядываемся.

В неплотном тумане попадают первые сейды. Это такие камни – нередко очень массивные, – которые целиком стоят на других камнях меньшего размера: на трёх, пяти, а порой и всего на одном, не касаясь поверхности земли. Специалисты говорят, и проводник Михаил подтверждает, что именно так, в этом необычайном равновесии, они стоят уже многие тысячи и даже десятки тысяч лет – со времён ледникового периода.

Грибов мне больше не попадалось, зато крупных спелых ягод черники повсюду в избытке – достаточно не глядя опустить руку в тёмно-зелёные листья и зачерпнуть там раскрытой ладонью.

В самом начале войны эта территория помога-

ла укрыться партизанам. А потом их кто-то выдал, и все они попали в окружение. И здесь же, в окрестностях Смерть-Горы, был расстрелян оккупантами целый отряд.

Очень многие отмечали здешнее аномальное воздействие на механизмы, на электронную аппаратуру и даже на организм человека. В отчётах разных экспедиций можно найти описания того, как наблюдалась одновременная остановка наручных часов сразу у нескольких участников похода, как в цифровых фотоаппаратах внезапно переполнялись «свежие» флеш-карты, а у некоторых исследователей начиналось носовое кровотечение; нередко люди целыми часами не могли выйти к казало бы хорошо видимой цели. После этих слов все стали удостоверяться в надёжности собственных флешек.

Тревога усиливалась. Не покидало ощущение, как будто всех нас и меня особенно пристально рассматривает какое-то необычайно огромное и свирепое, но, к счастью, пока ещё сытое чудовище.

Известно, что раз в году здесь собираются колдуны и маги со всей страны. Что же так влечёт их именно сюда? Со слов самих участников таких сборов, энергетика этого места необычайно высока, словно мощный аккумулятор. Они называют Воттоваару «акупунктурной» точкой, своего рода антенной планеты, через которую та осуществляет энергоинформационный обмен с космосом.

Невольно оглядываясь, мы идём по плато. Посреди него разместилось болото. Крупные камни вокруг назвали «амфитеатром». Здесь же неподалеку можно найти каменный бассейн правильной прямоугольной формы. Один из самых массивных камней будто распилен на части циклопической болгаркой. Дно другого почти столь же огромного камня-сейда идеально ровное – будто его старательно обработали наждачной бумагой.

Несколько человек, заглядевшись на такие красоты, успели поскользнуться и упасть. Я тут же нахожу взглядом жену и мальчика Гришу – нашего самого юного шестилетнего скалолаза. Вижу, что Гриша сильно вымок под дождём, но пока держится, особенно под взглядами Оли, в которую явно и беззастенчиво влюблён и очень хочет выглядеть мужественно. С моей супругой тоже всё в порядке. Дальше стараюсь двигаться быстро, но осмотрительно.

Лет четырнадцать назад здесь случился страшный пожар. Огонь бушевал больше недели. Миха-

ил напоминает, что дерево и камень – извечные враги. Деревья прорастают в камни и разрушают их. «Гора себя очистила», – говорит нам проводник. Она стояла потом в тёмной гари, зато при определённом освещении была необычайно хороша. А сейчас уже вновь успела зарости молодым лесом. Но лес этот очень странный – многие деревья стоят словно бы корнями вверх. Люда и Коля не перестают щёлкать своими огромными фотоаппаратами.

Известно, что у саамов существовало множество запретов, связанных с посещением подобных мест: здесь строго запрещалось громко говорить, сюда не допускались женщины и дети, а к некоторым, наиболее «сильным» камням запрещено было не только прикасаться, но даже и подходить близко.

К одному из таких камней нас и подвёл Михаил. Он сам просил здесь однажды помочь ему с новой «буханкой». И загадал желание – купить её к Новому году. Загадать-то загадал, но не уточнил, к какому именно Новому году. В итоге машину получил, выкупил всего за полцены, но только спустя ещё целый год.

На вершине пробовали установить большой деревянный крест. Он простоял совсем недолго – однажды поутру нашли только спиленный выступ и мелкие обломки вокруг. Через год поисковики целым отрядом вкопали поблизости новый крест. Священник его освятил, но вскоре история повторилась. Стоит ли продолжать? Они думают, что стоит. Удастся ли это с тобой, Гора?..

Наконец последнее терпение Гриши закончилось: он дрожит всем своим маленьким тельцем, упирается на каждом шагу и горько истошно ревет. Мы быстро вытаскиваем его из мокрых одёжек и тут же переодеваем в тёплую кофту с оленями – это любимая кофта моей жены, которую я сам ей и покупал. Сверху укрываем его новым дождевиком.

– Я как будто попрощалась сейчас с этой кофтой, – тихо сказала мне жена.

– Отдаст же он тебе её! – уверенно возразил я ей. Но она со значением покачала головой.

И в самом деле – уже дома при первой же стирке вода в машине внезапно закипела, и любимая кофта хотя и осталась целой с виду, однако же напрочь перестала держать тепло.

А пока мы дошли до места наилучшего обзора. Вернее, оно бывает таким в ясную погоду. Сейчас всё внизу было затянуто густым туманом. Сделав несколько фото под дождём, мы развернулись и пошли обратно.

Чувствовалось всеобщее нетерпение. Кто-то уже проехал несколько метров по склону, как солдаты Суворова с Альп на известной картине. Я тоже несколько раз поскользнулся, но всякий раз в последний момент удавалось удерживать равновесие. Тут уж невольно начнёшь собой гордиться. Но вот на пути вниз я, приглядывая за Гришей и страхуя его, всё-таки падаю. Тут же пытаюсь подскочить как ни в чём не бывало, и у меня это почти получается, но нога коварно скользит снова. И вот Виталик, уже свалившийся на траву чуть ниже, замечает мой конфуз и рукой передвигает ногу так, что я могу упереться о прочный камень. Благодарно киваю, улыбаясь, подхватываю Гришу, и мы продолжаем свой долгий спуск.

Последний отрезок уже можно преодолеть бегом. Я пользуюсь именно этим способом. Мы собираемся возле чужих машин, пьём чай из Юлиного термоса и ожидаем разворота своих «буханок». Все наши насквозь промокшие мысли крутятся вокруг парилки в старинной бане с прекрасной новенькой верандой. Уже через несколько часов мы окажемся там.

Все благополучно спустились.
Спасибо тебе, Гора!

И вот что я добавлю: сегодня ты вовсе не Смерть-Гора, а всё-таки Гора Победы.

Не прощаюсь...

Александр ЕВСЮКОВ

родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области.

Выпускник Литинститута.

Прозаик, критик.

Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Роман-газета», «Наш современник», «Нева» и др.

Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский, польский и якутский языки.

Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016);

победитель премии «В поисках Правды и Справедливости» (2018);

Первого международного литературного конкурса «Бежин луг» (2018);

Всероссийской премии им. В. П. Астафьева (2020).

Автор книг прозы «Контур легенды» (2017),

«Караим» (2020), «Двенадцать сторон света» (2021).

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

